

бою же, возгорающееся даже от неудачи — первоначальная стихия всего европейского духа, — которое напрасно преследует инквизиция, проникающая во все тайные мышления человека; оно вырывается мимо и, облегченное страхом, еще с большим наслаждением предается своим занятиям» (1952, 8, с. 23).

Многое здесь и в самом деле от истины: и «благочестивый ремесленник», со страхом бегущий от жилища алхимика, и алхимическая надежда, воспаляющая ум адепта, и, наконец, желание одарить человечество, благодетельствовать его. Все это верно! Возможно, верно и самое описание. Но... «первоначальная стихия всего европейского духа» (надо полагать, новоевропейского). Опять-таки выход в инокультурный контекст с обязательным исчезновением самой алхимии, хотя и с изображением ее внешности. «Благочестивый ремесленник средних веков со страхом бежит от жилища» алхимика. Верно! Но и живет рядом с этим жилищем. Именно только такое соседство и составляет историческую возможность алхимии. Но коль скоро есть это великолепное гоголевское описание, возможно и такое отражение алхимии в послесредневековом сознании³¹.

Романтический нимб, высветивший многодумное чело алхимика, не тускнеет от вечных неудач адепта, отчаявшегося в успехе своего безнадежного предприятия. Цель не достигнута, зато нимб остается, холодно светясь сквозь тьму веков. Он-то и есть в определенной новоевропейской традиции единственная краска для изображения алхимии. Упрямый старец, ищущий истину ценой всего себя — до скончания дней. Грим, декорация, антураж. Бенгальский огонь фейерверка вместо *стихии Огня*. Безымянный олитературенный алхимик с остывшим взором вместо горячечными, сумасшедше прищуренными глазами исторического *Фламелья* — «Пламенного»³². Вот все, что осталось.

Таковы «частичные» прочтения алхимии в послеалхимические времена, намекающие, конечно, на сущность прочитываемого объекта, но сохраняющие ее, эту сущность, за семью печатями в беспросветных потемках исторической памяти³³.

Неизмеримо проникновенней оказывается включение алхимического мифа в новые мифотворческие композиции новой литературы. Конечно, алхимический антиквариат изобильно присутствует и в этих мифолитературных образованиях. И тоже в качестве фона. С той, правда, существенной разницей, что литературный миф, ассимилировав миф алхимический, сделал его своим собственным и потому обнажил его скрытые смыслы во имя инокультурных новых смыслов. Это во имя помогает

³¹ Не столько, впрочем, отражение, сколько переживание того, что осталось от алхимии.

³² *Flamma* (лат.) — огонь, пламя, жар, пыл, свет, сияние.

³³ Представленный здесь материал не исчерпывает реального многообразия литературных реминисценций по поводу алхимии (*золота* — главного предмета алхимических чаяний). Но типы «частичных» прочтений алхимии — вспомним еще и вариации современных хемоокультистов — обозначены. Полноты ради прибавлю к названным именам *Анатоль Франса, Брюсова, Честертона...*